

Говорят, сатирики обречены на вымирание. Скоро их совсем оставят без хлеба экономисты, политологи и народные депутаты, чья публицистика нарасхват. Сегодня на сессиях Верховных Советов столько обличений и остроты — на десяток фельетонов хватит.

Все это так. Однако почему именно сегодня, когда открыто можно говорить почти обо всем, на эстрадном небосклоне зажглась звезда сатирика Михаила Задорнова! Отчего, отложив неотложные дела, спешим мы на его концерт! А какую сам маэстро ставит перед собой сверхзадачу, обрушивая на нас водопад иронии и сарказма! Помогает ли его сатира улучшению нравов! На эти темы мы и беседовали с писателем накануне праздника.

НАЧИНАЯ вечер, я стремлюсь сразу взять зритель в союзники. И говорю: давайте вместе посмотрим на те глупости, которые нас окружают. Они повсюду: в песнях, которые мы поем, в инструкциях, по которым жили, в лозунгах, которые сочиняли. А в последнее время и во многих законах, которые принимаем. Мы так к этим глупостям привыкли, что, кажется, не можем без них.

Думаю, задача сатиры — мять человека, показывая ему все его несовершенства. Я понимаю: нельзя враз изменить хромосомный набор. Под действием радиации он меняется в худшую сторону, а при помощи юмора, веселого настроения, возможно, будет улучшаться. Человек от природы любит смеяться. Когда он хохочет, у него в крови понижается холестерин. Часто ко мне приходили зрители и говорили: мы вам так благодарны — у нас головная боль прошла. Я шучу: от смеха еще и склерозные спайки рассасываются, у кого есть.

Я слышал, за рубежом всерьез намерены «занести» вас в «Книгу рекордов Гиннеса» за рекордное количество образов собранной глупости.

Возможно. Но для меня, поверьте, сбор этих глупостей — адский труд. Не ходить же по улицам с завязанными глазами. Надо искоренять алкоголизм? Конечно! Но при этом из хрестоматий выбросили строки «Выпьем, няня, где же кружка». Дескать, великий русский поэт подает советским детям дурной пример спаивания своей няни в свете последних постановлений.

Говорю серьезно: руководители Ижевска запретили мне въезд в этот город, потому что я стал высмеивать их плакаты. Ну, скажите, как можно вешать такой: «Бюрократам, пьяница... и тунейцам не место в нашем городе». Я спрашиваю: «А где им место? На Марсе?» Когда я со сцены цитирую наши бодяческие лозунги минувших воинов, их и сейчас еще хватает, люди словно просыпаются от сна, они открывают глаза и видят, какая бывает невероятная чушь.

Некоторые иностранцы зло-словят: мол, ваши чиновники избрели особый «мертвый» язык, где надо просто запоминать и ставить слова в определенном порядке, не вдумываясь в содержание.

Очень похоже. Где-то читал: «Улучшить за счет расширения конструктивных мер, принятых в результате консолидации по углублению процесса выполнения наказов трудящихся». Это похоже на детский конструктор или кубики с картинками. Но, по-моему, в изобретении тех словесных конструкций был особый, потаенный смысл. Хотели ведь так исхитриться о чем-либо сказать или пообещать, чтобы потом ни за что не отвечать. Вот слышу: «Надо придать социализму человеческое лицо» или «Повернем экономикой лицом к человеку». Попробуй предъявить к кому-то персональные претензии, что он не придал социализму человеческое лицо или не повернул экономикой «лицом».

Но почему об этих и других нелепостях вы заговорили только во времена гласности? Почему раньше молчали?

Меня не печатали восемь лет. Это те рассказы, которые сегодня вошли в сборники, получили премии. Но я благодарен редакторам, которые не пустили их в печать: они были сыры. Вообще моя жизнь — цепь случайностей. Вначале оуководил самодельностью при Московском авиационном институте. Мы очень много ездили по стране, выступали на ледоколах бывали на Урале, в Сибири, на Камчатке, в Охотском море. Почти все наши вещи я писал сам. Некоторые популярные артисты стали обращать внимание на удачные шутки, ходы, приемы. Однажды Евгений Петросян, с которым меня связывает давняя дружба, посоветовал: «Надо бы тебе писать для артистов». Попробовал — получилось. Потом и самого начала приглашать выступать перед зрителями со своими рассказами. Очень благодарен телепередаче «Вокруг смеха», с которой начался новый этап в моей жизни.

Похоже, вы счастливец: у

вас не было неладов с цензурой.

Были. Вспоминаю одну суровую бюстительницу нравов из Министерства культуры. Она вычеркивала из рассказов фразы иногда с такими комментариями — мороз по коже! Например, вымарала как-то «вернемся к на-

бирательный образ номенклатурного бездельника, который привык всем поведовать со швейцарской непреклонностью. Сейчас на Западе снимают фильмы ужасов про энергетических вампиров. Кто, вы думаете, эти чудища? Это... наши аппаратчики. Они отнимают у народа силы, средства и господствуют над ним. Гипербола, конечно, но до чего верно схвачена суть! Скажем, если в зале сидит хмурый чиновник, которому не положено реагировать на меня, то есть смеяться, я это всегда чувствую. Он мне физически мешает, он действительно отнимает у меня энергию, и я не могу шутить, импровизировать.

Немало от вас достается

мерсанта, похоже, вообще ничего не умеют. У них одно на уме: заработать на писателе, использовать его как ломовую лошадь. Вот почему я засекретился, не подхожу к телефону, а если иногда и поднимаю трубку, то бываю вынужден грубить. Но я же не могу грубить по сорок раз в день!

Однако они за выступления платят деньги, и немалые.

«Презренный металл» я могу заработать и без комсомола. Поверьте, гораздо приятнее бывает отдавать рубли на благотворительные цели, чем складывать в кубышку. В Воронеже я перечислил пять тысяч родильному дому, и на них купили

боролся за человека, призывая видеть в нем труженика, создателя, уважать его труд. После «Амура-батьюшки» отца обвиняли в том, что он сочинил антиколхозный роман. И доносы на него писали, но все, слава богу, обошлось.

Согласен, многим он сейчас неинтересен. Иным хочется знать, сколько народа расстреляли при Сталине, а характеры тех людей, их мысли, искания, их протест — словом, все то, за что они пострадали, — это не слишком волнует. Вот ведь в чем парадокс!

У многих издателей сегодня одна цель — шокировать читателя. Расстрелами, кризисом, дефицитом, преступностью, «бездеятельностью ЦК и Политбюро» и т. д. Все, что не вписывается в эти рамки, — побоку! Долой нравственность, этику, психологию, сострадание — вообще истинную культуру. Отец недавно позвонил в издательство «Правда» и поинтересовался: будут ли переиздавать его книгу? А ему, пожилому человеку, редактор отдела спокойно отвечает: при жизни не печатаем. Почему? «Потом» гонимые автору не надо платить. Верно подмечено: у нас, чтобы стать бессмертным, надо сначала умереть. Тогда и путевку тебе выделит в Коктебель, и квартиру отсудят, и восстановят в творческом союзе. Говорят, сегодня уже многие запасаются справками, что их нет в живых.

Ну уж вы и скажете...

Очень многих писателей сегодня не издают. Их вытеснили с книжного рынка те бойкие мастера пера, кто унюхал конъюнктуру антисталинизма. Почувствовали уже некоторые, что и Ленина можно безнаказанно шельмовать. Вот и началось: стремятся друг друга перецеголять — лишь бы печатали. Творчество на глазах превращается в голую коммерцию — трагедия наших дней! В книжном киоске «Похождения космической проститутки» ценою рубль за штуку, на экране — «Интердевочка», на сцене «Звезды на утреннем небе»...

Я заметил: очень многие кричали, что бумажные комбинаты засоряют природу. А теперь, когда стали печатать сексуальные анекдоты да календари с бедным неизвестной, приносящие огромный доход, крики в защиту экологии как-то прекратились.

Михаил Николаевич, есть ли у вас запретные темы?

Запрещенных кем-то свыше нет. Но ленинскую тему я запретил себе трогать, хотя очень болезненно переживаю, как кое-кто

устраивал себе «коммунизм», прикрываясь ленинскими словами о честности и скромности. Я однажды неловко пошутил в зале на эту тему — и нет смеха. Ленин и Октябрь — это надежда целых поколений. Надежду нельзя убивать. Хотя я считаю: кощунственно было ставить такое количество ленинских бюстов, памятников, без конца называть его именем заводы, улицы, библиотеки, парки...

Не повод для смеха — положение в Прибалтике. Что значит отделяется Литва? Значит, Польша тоже должна отнять часть Литвы, немцы должны отобрать кусок у Польши, Франция — у немцев? А американцы выходят, вообще должны уйти из Америки и оставить ее индейцам? Где-то исторический критерий, по которому должен происходить обратный отсчет? Так дойдем до аннулирования договора между Иваном Грозным и шведами, признаем недействительной Полтавскую битву и Ледовое побоище...

Бывая у своих в Риге, вижу, как действуют пришедшие к власти «демократы». Еще немного, и я начну высмеивать их. Вот гонимые: «партократы» 70 лет обирали народ, но ведь в магазинах что-то было. «Демократы» у власти полтора года, а с прилавков все как корова языком...

Похоже, эти боятся, что они временные, поэтому стремятся народ так обобрать, как не могли аппаратчики за 70 лет... Понимаю, что на меня могут обидеться, но это их трудности. Если, скажем, в Прибалтике у партаппарата отобрали все распределители, дачи, машины, куда это все пошло? Тем, кто отбирал.

Кстати, отняли у пожилых людей поликлиники. Это сталинские методы в современном союзе. Людей в старости больше лечит внимание, а не лекарство. Отобрали внимание.

Ну и, как говорится, под занавес не миновать традиционного вопроса о ваших творческих планах.

Я уже говорил, что в свое время руководил студенческим театром. Сейчас в свои концерты стараюсь включать ребят с которыми вместе играл. Кстати, многие из них уже окончили ГИТИС. Мечтаю при Фонде культуры РСФСР открыть свою студию.

Желаю успеха.

Спасибо.

Пожалуйста.

Сатирика
расспрашивал
А. ГОЛОВЕНКО.

Правда — 1990 — 4 ноября — с. 6

«Зову посмеяться над собой...»

Не совсем праздничные размышления сатирика Михаила Задорнова

шим баранам». Я, говорит, знаю, на кого вы намекаете, а сама глазами кверху...

Порадуюсь, что Закон о печати извлекает нас от цензоров. Тем не менее ваше знаменитое «Письмо Генеральному секретарю», которое вы читали «на бис» со сцены и в телепередаче, было опубликовано лишь в журнале «Театр». Вас не точило сомнение, что выводить Генерального секретаря в сатирическом монологе не очень-то, скажем так, удобно?

Главный герой там как раз не он, а те местные подхалимы, которые хотели ему пустить пыль в глаза. Для нас и в прежние времена не было секретом, как на местах готовились к встрече Брежнева, хотя все понимали, что он не бог, не царь и не герой. Так хочется, чтобы М. С. Горбачева не окружала никакая фальшь.

И очень часто при этом вы направляли жало сатиры на так называемых аппаратчиков. Что это — дань моде?

Аппаратчик у меня — со-

и комсомольским чиновникам...

Комсомол словно задался целью показать, что он не состоялся как «передовой авангард молодежи». Его вожаки сегодня крутят полупорнографические фильмы в видеозабегах, причем для подростков, приторговывают в кооперативах всем, что под руку подвернется.

Я их не осуждаю — зачем еще комсомол нужен сегодня? Однако если мне звонят из какого-нибудь «Комсомольского досуга» насчет выступления, я отвечаю: о нашем сотрудничестве разговоров быть не может.

Зачем же так жестоко?

Как-то один молодежный центр направил меня (причем на мои же деньги) за рубеж выступить перед нашей футбольной командой. Они так все оформили, что мои пути с футболистами не пересеклись. Нет, это организация изначально некомпетентных людей! В партийных аппаратах есть бюрократы, но они работают профессионально. Могут заказать гостиницу, встретить и проводить. Комсомольские ком-

три аппарата для выхаживания недоношенных детей. Когда я об этом узнал — можете понять мое состояние. Мы с Михаилом Жванецким однажды сошлись в мысли, что перечислять в фонды — это как в пропасть: неизвестно кому. Очень часто средства идут на сомнительные мероприятия, заграничные поездки тех же чиновников.

Не скрою, очень интересно было посмотреть на телеэкране ваши беседы с отцом. Мало что из нынешней молодежи знает его. А ведь люди старшего поколения зачитывались историческими романами Николая Задорнова «Амур-батьюшка», «Далекий край», «Первое открытие»... Что вы унаследовали от него?

Всё. То же неприятие фальши, косноязычия, коверканья языка. Та же неудовлетворенность собой и критическая настроенность. Он как писатель